

«Мы с мужем, Олегом Каганом, играли в Финляндии концерты. Граница была открыта, и мы пересекли ее, побыли несколько часов в Швеции. И оттуда как дураки написали родным открытки: «Ха-ха-ха, мы обедаем в Швеции!»

Пианистка Елизавета Леонская — Газете

персона

Елизавета Леонская: «У меня ответственность перед другими выше, чем перед собой» Фотограф: Никита Инфантьев

“мне с собою вполне комфортно”

Елизавета Леонская — Газете

Елизавета Леонская — пианистка из «ближнего круга Рихтера», ныне обладающая мировой известностью и живущая в Вене, — дала в Петербурге единственный сольный концерт. Перед ним с Елизаветой Леонской встретила Гюльра Садых-заде.

Вы были близко знакомы и дружны с Иосифом Бродским, посвятившим вам известное стихотворение «Багатель» из цикла «Уралия». На последнем сборнике стихов, вышедшем в Америке, он написал шутивное посвящение:

«Дарю стихи Елизавете, / Пускай простит меня за эти! Стихи, как я, в душе рыча, / Петра простил ей, Ильича». При каких обстоятельствах были написаны эти строчки?

Из всех друзей Иосифа я была, кажется, последней, кто видел его перед смертью. По пятницам в Avery Fisher Hall обычно бывал дневной концерт для пожилых людей, а на нем играла. После мы пришли в гости к Бродскому. Все было замечательно: он был оживлен, шутил, мне даже показалось, что Ося был в лучшей физической форме, чем обычно. Как всегда, он был совершенно очаровательным и хозяином, и человеком. Вечер прошел весело, а в конце его он подарил мне только что вышедшую книжку его стихов. Потом забрал ее обратно, отвернулся и, ухмыляясь и грызя карандаш, что-то нацарапал на титульном листе — я даже не видела что — и отдал.

Я в тот момент была в Нью-Йорке, записывала с Куртом Мазуром концерты Чайковского. По пятницам в Avery Fisher Hall обычно бывал дневной концерт для пожилых людей, а на нем играла. После мы пришли в гости к Бродскому. Все было замечательно: он был оживлен, шутил, мне даже показалось, что Ося был в лучшей физической форме, чем обычно. Как всегда, он был совершенно очаровательным и хозяином, и человеком. Вечер прошел весело, а в конце его он подарил мне только что вышедшую книжку его стихов. Потом забрал ее обратно, отвернулся и, ухмыляясь и грызя карандаш, что-то нацарапал на титульном листе — я даже не видела что — и отдал.

Нелюбовь Бродского к Чайковскому широко известна: Алла Арановская, первая скрипка из «Петербург-квартета», рассказывала, как Бродский встал и демонстративно вышел из зала посреди своего поэтического вечера, как только приглашенный туда квартет заиграл что-то из Чайковского. А вас с концертом Чайковского он, стало быть, слушал?

Нет, он не пришел на мои концерты. Он простил мне, что я вообще его играю. Когда он слышал Чайковского, он действительно

рычал... Он ничего не имел лично против Чайковского. Это просто была не его музыка. У него была другая, которую он очень любил: Гайдн, Перселл, Бах.

Вы будете выступать в ноябре на Люцернском фортепианном фестивале, который завершит выступление Григория Соколова...

Правда? Это чудесно. Я огромная его поклонница. Считаю, что так, как Гриша играет полифонию, сегодня не играет никто. Такой настоящей, живой, я бы сказала, животрепещущей полифонии ни у кого нет. Соколов — это вообще уникальное явление. Он готовит программу очень тщательно, и не более одной программы в год.

А вы?

У меня не получается сказать «нет», поэтому выходит больше. Например, сейчас, в октябре, выдался довольно сложный месяц. Я сыграла Четвертый концерт Бетховена в Севилье, Третий концерт — в Варшаве и Вене. Сейчас предстоит играть Второй концерт Рахманинова в Барселоне и сольный концерт в Вене. Из Петербурга я поеду в Москву, играть с оркестром Федосеева.

Какова сейчас музыкальная ситуация в Вене? Какова атмосфера?

Просто бесподобная. Затянувшийся ренессанс какой-то. Ежедневно в каждом зале, Music Ferein и Concert Haus, проходят по два концерта, и залы полны. И это при том, что Вена — совсем не такой большой город, как Париж или Нью-Йорк, там всего два миллиона жителей. Людям в Вене нужна музыка, музыкальная традиция там совершенно жива. Для венцев посещать концерты — это образ жизни, вне этого ритуала они себя не мыслят. Говорят, что Вена не воспринимает современной музыки. Да ничего подобного! Сейчас в Вене проходят два огромных фестиваля современной музыки, в частности Vienna Modern — один из ведущих в мире.

Вообще в Вене круглый год фестивали. Один переходит в другой, как только кончается осенний — начинается летний.

Как получилось, что, когда вы уехали из Союза в 1979 году, вы осели в Вене?

Я ведь играла в Вене до этого: в 1974-м, в 1977-м, в 1978-м. Знала там многих. Но вообще-то за границей бывала редко. Я шесть лет была невыездной, приблизительно с 1969 года.

Почему?

Разве для властей нужны были причины? Мне с 1969 года отказывали в выезде на гастроли, и все. Единственной ничтожной причиной, по моим предположениям, мог послужить эпизод с Финляндией. Мы с мужем, Олегом Каганом, играли в Финляндии концерты, где-то недалеко от шведской границы. Граница была открыта, и мы пересекли ее, побыли несколько часов в Швеции. И оттуда как дураки написали родным открытки: «Ха-ха-ха, мы обедаем в Швеции!»

Вы стали лауреатом конкурсов Маргариты Лонг и королевны Елизаветы еще до этого случая?

Конечно, я поступала в Московскую консерваторию уже с премией Энеску. А потом меня заставили участвовать в конкурсе Маргариты Лонг в 1965 году. Это был мой первый год в Москве, у меня шла перестройка всего. И тут советские конкурсанты приехали с конкурса Шопена без премии: это было полное фиаско. И тогда мною решили укрепить группу, едущую в Париж.

Я в то время была в полном разборе и собиралась играть два концерта в академии Санта-Чечилия в Риме, у меня было запланировано турне по стране. Но когда я сказала: «Нет-нет, что вы, какой конкурс, мне нужно работать, у меня концерты», — мне сняли все концерты. Меня заставили участвовать в конкурсе. В Париже я получила третью премию. Первую не дали никому, а вторую получил Алексей Черкасов, о котором ни до конкурса, ни после него никто ничего не слышал. Бывают такие странности.

Связь с родным городом Тбилиси вы сохранили?

Безусловно. Я даже основала в Тбилиси свой фонд для помощи малоимущим, но одаренным студентам. Стипендии фонда, конечно, небольшие, но тем не менее... Я была недавно в Тбилиси. Грустное зрелище: совершенно ушло ощущение энергии, радости жизни. Все очень тихо, все заглохло. Город в ужасающе запущенном состоянии. Жители изнурены, перебои с электричеством. Но в Тбилисской консерватории все более или менее нормально. Приводится в порядок библиотека, организован довольно представительный международный конкурс пианистов. Малый зал консерватории сейчас просто чудо!

У вас никогда не было мысли заняться педагогикой?

Нет, пока не собираюсь. Если перестану играть, тогда может быть. Знаете, есть одна черта в моем характере, очень опасная — у меня ответственность перед другими выше, чем перед собой.

Но это как раз та черта, которая делает из человека хорошего педагога.

Надеюсь, у меня в жизни пока есть и другие возможности. Педагогика — это большая ответственность. Дело тут не только в регулярности. Кроме прочего нужно еще нести тепло ученикам и гореть самой. Иначе ничего не получится. Нужны самоотверженность, терпение — многие психологические моменты, очень сложные. Это немножечко опасно — учить других. Через месяц у тебя сложится впечатление, что ты все знаешь и самая умная, а другие — нет. Так можно сбить самооценку.

Как вы попали в кружок Рихтера?

Помог счастливый случай. Я же была замужем за Олегом Каганом! В тот момент Рихтер как раз репетировал с Олегом сонаты, которые должен был играть с Ойстрахом. Но с Ойстрахом, понятно, такого количества репетиций быть не могло. И Рихтер отшлифовывал исполнение с Каганом: Первая Брамса, Первая соната Прокофьева. Потом уже он начал выступать непосредственно с Олегом. Ну и мы, естественно, стали бывать у них дома.

Какова история записи с Рихтером фортепианных сонат Моцарта в четыре руки в переложении Грига?

Сонаты Моцарта для четырех рук он давно мечтал сыграть. Он слышал эти переложения еще с одесских времен: ученики их разыгрывали в классе его отца. Потом мечта вроде бы начала осуществляться, день записи был назначен. И тут я получила визу и уехала. Нам удалось осуществить запись лишь спустя одиннадцать лет: Рихтер приехал в Вену, и мы записались на фирме Teldec.

Как вы уезжали из Союза?

Получилось очень смешно. У меня были запланированы два концерта, в Вене и в Граце. Примерно за полгода до концертов я подала документы на выезд. Где-то за десять дней до концертов я позвонила в Вену и сказала, чтоб они подыскивали мне замену: разрешение не пришло, стало быть, мой выезд задерживается. И буквально на следующий день, проверяя почту, я обнаружила в почтовом ящике разрешение. Это была суббота. С утра субботы до вечера вторника мне удалось собрать все, сдать квартиру и уехать. Я прилетела в Вену и прямо из аэропорта поехала на репетицию с оркестром. Оставила в аэропорту весь багаж, все чемоданы — на получение багажа нужно было потратить несколько часов. И с одной сумочкой, в которой лежало концертное платье, приехала на репетицию. И сразу включилась в свою концертную жизнь.

Можно сказать, вам повезло: вы получили свои первые гонорары от концертов, которые теперь не забирает никакой Госконцерт, и могли жить в Вене более или менее нормально.

Конечно, мне повезло. Но чувство, когда за тобой закрывается железный занавес и за ним остаются твои друзья, родственники, — это было страшно. Прощание в Шереметьево — это было ужасно. Потом, в новой стране все другое, начинается совсем иная, чужая жизнь. Нужно менять все, вплоть до мельчайших привычек.

Но от привычек вас ведь никто не призвал отказываться?

А вот, например, где находится выключатель на стене — рука ищет его совсем не там... Где и как расположены в магазине продукты... Все, все меняется. И это очень тяжело. Это еще при том, что я приехала с языком, я знала немецкий. Но только в Вене я поняла, что мы жили в Союзе как в детском саду. Все за нас решалось, заботились о нашем будущем, мы же вообще ни о чем не думали. Так вот, весь этот детский сад заканчивается, как только ты выезжаешь из страны. Все нужно делать самому: заботиться о работе, о будущем, о старости. Это утомительно для психики, очень утомительно. Нужна большая вера в будущее, чтобы выдержать эти перемены. Я знаю людей, которые, живя на Западе, сохранили эти советские детские представления: все им чего-то должно, что-то им не дают. Но нужно иметь мужество отказать от мысли, что тебе кто-то что-то должен.

Конечно, вы скучали по Москве, по друзьям. Но сейчас вы себя чувствуете комфортно?

Я всегда себя чувствую комфортно. Я комфортна в самой себе, мне с собою вполне комфортно.

газета

проездом из Вены

Елизавета Леонская родилась в Тбилиси. В одиннадцать лет дебютировала с оркестром, спустя два года дала первый сольный концерт. Училась в Московской консерватории (1964—1971) под руководством профессора Якова Мильштейна. Лауреат международных конкурсов имени Дж. Энеску (Бухарест, 1964), имени Маргариты Лонг и Жака Тибо (Париж, 1965), королевны Елизаветы (Брюссель, 1968). Часто выступала со Святославом Рихтером до отъезда из СССР. По рекомендации Рихтера дала концерт на Зальцбургском фестивале (1979). В настоящее время живет в Австрии.